

«ДОСКИ СУДЬБЫ» ВЕЛ. ХЛЕБНИКОВА:

СЮЖЕТНЫЙ АСПЕКТ

«Доски судьбы» представляют собой явление, на языковом уровне балансирующее между художественным и научным текстом. Сам текст неизменно называет себя книгой («Пусть эти вырастут самоубийством правительств и книгой те»¹, С. 6) или сопоставляет себя с ней: «В обычном словесном изложении человечество походит на белую грудку, на вороха сырых, свежее набранных листов печати, еще не собранных в книгу. Малейший ветер заставит их разлететься в стороны. Но есть способ сверстать эти разрозненные белые листы в строгую книгу, применив способ измерения рождения людей с судьбой одной и той же кривизны» (С. 29). Последнее опять-таки позволяет ему балансировать на дискурсивной грани эстетической и научной литературы, ибо книги бывают и там и там. Мы предполагаем, что выделенная синкретичность является маркером, подчеркивающим принадлежность произведения к художественным произведениям, созданным в виде прозаических книг². Одной из показательных черт оказывается организация сюжета.

Может показаться, что в «Досках...» доминирует логическое построение, а сюжета – всегда так или иначе связанного с сознанием героя – собственно и не возникает. Произведение делится на семь частей, связь между которыми сугубо индуктивная: каждая часть в принципе повторяет изложенное ранее, только на другом, более общем уровне. Так, мы узнаем, что числовые интервалы в 2 и 3, возведенные в любые степени, управляют ходом как индивидуальных («...военный деятель Мин подавил восставшую Москву 26.XII.1905; через 3⁵ дней (243) он был убит, 26.VIII.1906...», С. 13), так и общенациональных («17.VII.1393. Покорение Болгарии тур-

ками; битва при Тырнове <через> 3^{11} <дней>, 13 – 20.VII.1878, Берлинский договор. Освобождение Болгарии», С. 24) событий. Более того, даже состояние Космоса определяется этими величинами: «Год состоит из ряда нисходящих степеней троек, начиная с пятой. Его храм кончается единицей, именно, $365 = 3^5 + 3^4 + 3^3 + 3^2 + 3^1 + 3^0 + 1$ »³. Но если каждая часть говорит о том же, что и предыдущая, то можно ли выстроить сюжет?

Нам кажется, что вернее говорить о сочетании в «Досках судьбы» сюжета и метасюжета, антиномично связанных один с другим. При этом сюжет строится с достаточно сильным кумулятивным началом. Из кумулятивности проистекают постоянные нанизывания ситуаций (см.: С. 11 и С. 34)

Сюжет строится вокруг жизни мира, а последний оказывается главным действующим лицом с собственным сознанием. Оно не подчинено никому из людей, а фактором проявления мировой воли становится то или иное событие: «И в жизни народов не времена подчиняются событиям, а события делаются временами» (С. 41).

В этом плане сюжет рассказывает о логике жизни мира как внеположного автору целого. Оказывается, что мир – это весы: мировое сознание всегда стремится поддержать равновесие. История, таким образом, оказывается замкнутой цепью противодействий и повторений: «Через $3^{11} + 3^{11} + 3^{11} + 3^{11}$ наступил 1173, то есть три года спустя после другого великого потрясения в 1176 году, когда “топор Рамы” упал на Малабарское побережье, что значит: было военное нашествие. Может быть, победители в первый порог были побежденными во второй порог веков» (С. 39).

Мышление так понятого мира не имеет временных границ; человек оказывается в «ловушке» мирового сознания: совершая то или иное действие, он лишь помогает миру поддерживать свой закон (С. 41). Сюжет оказывается монологическим, а кумуляция оказывается своеобразным прояв-

лением монологизма. Любое деятельное противопоставление мировой воли лишь подтверждает последнюю.

Подобный сюжет обрамлен метасюжетом – рассказом об открытии законов мира: «Там, где раньше были глухие степи времени, вдруг выросли стройные многочлены, построенные на тройке и двойке, и мое сознание походило на сознание путника, перед которым вдруг выступили зубчатые башни и стены никому неизвестного города» (С. 11). На этом уровне преодолевается кумулятивная дисперсность. Части тавтологичны, но при этом и цикличны: показывают постепенное проникновение ищущего человеческого сознания в тайны мироздания, от личностных озарений («Уравнение внутреннего пояса светил солнечного мира найдено мной 25.IX.20 г. на съезде Пролеткульта в Армавире...», С. 9) до интегральных обсчетов.

В то же время на метасюжетном уровне наиболее ярко проявляется риторическая (стремящаяся убедить читателя в абсолютной истинности изображаемого) сущность книги. Так, формулирование научного закона традиционно сопоставляется с получением возможности управлять тем или иным процессом. Эта линия находится в кругозоре ищущего сознания: «Открыв значение чета и нечета во времени, я ощутил такое чувство, что у меня в руках мышеловка, в которой испуганным зверьком дрожит древний рок» (С. 11). Написание произведения в лучших традициях жанра прозаической книги⁴ представляется победой над Историей.

Но победа в данном случае оказывается пирровой. Известны лишь два главных основания, по которым живет мир, но конкретная степень, возведение в которую произведет мир, чтобы «ответить», не может быть заранее предсказана. Тем самым открытие оказывается действительно чистым: им нельзя воспользоваться (ср. промежуток в 3^1 и в 3^{18} лет).

На сюжетном и метасюжетном уровне возникают две различные формы проявления сознания. Активное сознание мира определяет событие в его уникальном и неповторимом моменте: «Через промежуток времени

вида 3^n дней второе событие движется наоборот первому...» (С. 15). Активное сознание героя выявляет логику мира, образ мира. Оно находит даже степенную функцию, отражающую «жизнь мира». Человек понимает ход и перспективу, ее тотальную замкнутость. Мир же определяет момент, не видя при этом всей ограниченности собственной реакции⁵. Понимание контента не приводит к влиянию на сингулярию.

Сюжет и метасюжет, таким образом, оказываются лежащими в двух скрещивающихся, но непересекающихся плоскостях. Знание второго оказывается неспособным повлиять на ход первого. Книга же являет в себе антиномичное соединение двух «знаний», соединение, так и не перетекающее в диалог. Воплощаемая антиномичность линейно эксплицируется в «дурную бесконечность»: «Это <пространство и время> два обратных движения в одном протяжении счета, решил я» (С. 11). Граница, точка сверхединства оказывается неопределимой, бесконечно убегающей. В последнем, тотальной сюжетной незавершимости, надо думать, лежит отличие книги Вел. Хлебникова от более ранних образцов, имевших точкой пересечения всех возможных линий Бога.

¹ Здесь и далее текст В. Хлебникова цитируется по изданию: *Хлебников В. Доски судьбы*. М., 2000. Страницы указываются в тексте статьи.

² Прозаическая книга, на наш взгляд, зародилась в эйдетическом периоде, откуда и проистекает ее главная черта – тотальная антиномичность. Идеальный автор-творец сочетается в ней с конкретным пишущим человеком; мир как завершенное целое – с миром как хаотическим настоящим; текст как дорабатываемое книжником явлением – с произведением как созданным автором-творцом явлением, воплощающим подготовленный Богом мир. Подробнее см.: *Прохоров Г.С. Книга прозы как структурно-семантическое единство* (на материале сборников с заголовочным знаком «зерцало»): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Прохоров Г.С. Книга прозы как антиномическое целое* // *Studia Slavica*. VI. Таллинн, 2006. С. 88–98.

³ Обратим внимание на явную эстетичность формулы, ибо 3^0 , равно как любое n^0 , и 1 обозначают одно и то же. Тем самым нисхождение можно было как перевести ранее к знаку «1», так и продублировать « 3^0 ». Использование двух вариантов одного и того же смысла можно объяснить только эстетическими соображениями – подчеркнуть линию нисхождения в ее редукции к неделимой единице.

⁴ См. нашу статью: Библия как текст о книге как произведении. К вопросу об архитектурной форме книги // *Гуманистические основы преподавания гуманитарных*

дисциплин в ВУЗе: Материалы международной научно-практической конференции 28 ноября 2003 года. Челябинск, 2003. С. 243–249.

⁵ Сюжетная и метасюжетная коллизия оказывается проявлением той, что описана еще в соотношении эпиграфа с первым предложением первого листа. В нем сообщалось: «Чистые законы времени мною найдены 20 года, когда я жил в Баку» (С. 9). А эпиграф следующий: «Москва, 16.I.1922 г. День мертвеца у соседей (час выноса)» (С. 9). Выявление законов, управляющих движением времени, оказывается неспособным чем-то повлиять на конкретную жизнь своего соседа.